

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ЮРИЙ МУХИН

КРАСНАЯ АРМИЯ

ПАРАД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Тайны военной истории

Юрий Мухин

**Красная армия. Парад
побед и поражений**

«Алисторус»

УДК 355(091)(47+57)
ББК 68.49(2)

Мухин Ю. И.

Красная армия. Парад побед и поражений / Ю. И. Мухин —
«Алисторус», — (Тайны военной истории)

ISBN 978-5-906861-88-7

В своей книге выдающийся мыслитель современной России исследует различные проблемы истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии – как общие, вроде применявшейся военной доктрины, так и частные. Кто провоцировал столкновение СССР с Финляндией в 1939 году и кто в действительности был организатором операций РККА в Великой Отечественной войне? Как родилась концепция «блицкрига» и каковы подлинные причины наших неудач в первые месяцы боевых действий? Что игнорируют историки, сравнивающие боеспособность РККА и царской армии, и что советская цензура убрала из воспоминаний маршала Рокоссовского? Большое внимание в книге уделено также разоблачению мифов геббельсовской пропаганды о невероятных «успехах» гитлеровских лётчиков и танкистов, а также подробному рассмотрению лжи о взятии в плен Якова Иосифовича Джугашвили – сына Верховного Главнокомандующего Вооружённых сил СССР И. В. Сталина.

УДК 355(091)(47+57)

ББК 68.49(2)

ISBN 978-5-906861-88-7

© Мухин Ю. И.
© Алисторус

Содержание

22 июня. Кто виноват?	6
Стратег и завистник	9
Штришок к портрету Сталина	14
Молниеносная война	16
Молниеносная война. Как это?	16
Растерянность политиков	18
Растерянность генералов	21
Ответственность народа за все и всех	25
Начало войны	27
Цели войны	28
Сила государства	29
Моральная сила и деморализация противника	31
Гитлер как ученик англосаксов	33
Способы уничтожения моральных сил противника	35
Пятая колонна	36
Деморализующее влияние пятой колонны	38
Волонтеры «пятой колонны»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Мухин
Красная армия. Парад побед и поражений

© Мухин Ю.И., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

22 июня. Кто виноват?

Историю необходимо изучать, для того чтобы не повторять сегодня тогдашних ошибок своих предков, поэтому нам важно понять, что же тогда происходило?

Есть пропаганда военная и предвоенная. В это время все побоку, и есть только одно: мы русские, мы всегда побеждаем, и с нами Бог!

Но есть и военная история, и в ней нужно вскрыть все ошибки и выяснить все достоинства, чтобы в следующей войне максимально использовать достоинства и не повторять ошибки. (Вообще-то, если это использовать, то враг и не сунется.)

Можно объяснить обстоятельствами непреодолимой силы и Крымскую войну, и Японскую, и всю историю царизма, а общее тогдашнее мнение и немцев, и англичан о России, как о колоссе на глиняных ногах, считать русофобскими наветами. А зачем? Бездельным русским Ванькам будет на душе приятно, но деятельные русские будут введены в заблуждение, и ошибки не будут исправлены. Это очень надо?

В Первую мировую войну царская Россия тоже воевала с немцами, в той войне тоже были и примеры русской доблести, и примеры русской стойкости. Тоже были убитые, раненые, пленные. И вы понимаете, что чем более мужественен и более предан Родине человек, тем больше вероятности, что в бою его убьют, но в плен он не сдастся. А чем больше человек трус, тем больше вероятности, что он сдастся в плен, даже если еще мог сражаться. Давайте сравним эти две войны.

Для характеристики боевой стойкости армии есть показатель – количество пленных в расчете на кровавые потери, то есть количество пленных, соотнесенное к числу убитых и раненых. По русской армии образца 1914 года из расчета минимального количества 2,4 млн пленных этот показатель таков: на 10 убитых и раненых в плен сдавалось 1,9 офицера и 4,4 солдата. На 10 убитых генералов в плен сдавался 21 генерал.

Во ВМВ неизмеримо более сильным немцам, для того чтобы взять в плен одного советского офицера, нужно было убить или ранить 40 других офицеров. Для пленения одного солдата – около 34 солдат. На 10 убитых и пропавших без вести генералов 3,2 сдавшихся в плен, или надо было убить 3 советских генералов, чтобы один сдался в плен.

Чтобы в плен сдался или пропал без вести один советский офицер, нужно было убить 14 офицеров, чтобы сдался или пропал без вести один советский солдат, нужно было убить 10 солдат. Генералы и тут всю статистику портят, но и у них результат все же лучше, чем при царе.

Следовательно, при коммунисте Сталине боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат выше в 17 раз! Не на проценты, а в разы!

Вот и оцените, что значит царская Россия и что значит Сталинская. 22 июня 1941 года на СССР напала практически вся вшивая Европа во главе с Германией, тем не менее можно ли было их разгромить у границ СССР? Да, можно было.

Виновато ли руководство СССР в поражениях начала войны? Безусловно, на то оно и руководство, чтобы быть виноватым в поражениях. Но руководство СССР состояло из руководства всем могуществом СССР – это Сталин. И было руководство вооруженными силами СССР, руководство фронтами, армиями, дивизиями, полками, батальонами, ротами, взводами и отделениями. Какого руководства и в чем вина – вот в чем вопрос!

Да, руководство может потерпеть поражение ввиду превосходящих сил противника, но ведь СССР победил в той войне, уже понеся огромные потери людей и оружия, значит, вопрос борьбы с противником в начале войны, когда еще не было этих потерь, не был не решаемым.

Ну и руководство может обусловить поражение, когда во главе его стоит предатель-подлец или дурак.

Но Советский Союз победил в войне, причем начал побеждать, когда Сталин взял на себя командование фронтами в условиях, когда СССР потерял уже 70 миллионов населения из 190, следовательно, Сталин не был ни предателем, ни дураком.

Кроме того, и в 1941, и в 1942 годах не все руководство, отвечающее за потери, вело себя одинаково – одни дивизии и армии отчаянно сражались, другие сдавались в плен.

Почему советский Западный фронт немцы разгромили тремя последовательными окружениями в самом начале боевых действий, с успехом исполняя свой план «Барбаросса», а на Северо-Западном фронте у них этот план сорвался, а у Юго-Западного фронта немцы ни одной советской дивизии не смогли окружить до середины сентября?

Вот, скажем, Северо-Западный фронт, первые три месяца войны. Защитники Лиепай удивили немцев своим упорством и мужеством, 237-я стрелковая дивизия полковника Тишинского разгромила более сильную дивизию СС «Мертвая голова», а многочисленные войска Красной армии, имевшие задачей оборону Даугавпилса, разбежались чуть ли не при одном виде немцев. Почему? Почему в 1941 году маршал Тимошенко разгромил 1-ю танковую армию немцев под Ростовом, а будущий маршал Жуков не смог окружить немцев под Ельней, почему войска Тимошенко окружили и уничтожили 34-й пехотный корпус под Ельцом, а Жуков в Московской битве дал немцам окружить и уничтожить 33-ю советскую армию? Почему?

Читаю книгу «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 год), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку *«командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.*

...Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: *«В окружении исчезли командиры особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то храбрый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов».* Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия. В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не дви-

нулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому “окруженцу”, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово “полковник” он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карелл описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбежек немецкой авиации, тем не менее она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из мешка; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские войска, по моему счету, восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода, и 2-я ударная – три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удрать из окружения самостоятельно – без войск.

И вот когда начинаешь разбираться с подробностями этих боев, невольно приходишь к единственному выводу: да, в целом, командование Красной армии было на порядок лучше, чем командование царской. Но вина за те тяжелейшие потери, которые Советский Союз понес в первые годы войны, целиком обусловлена низким морально-профессиональным уровнем значительной части кадрового командования Красной армии.

Вина же политического руководства СССР – Сталина в том, что он не уничтожил в Красной армии гнусный дух царской армии и не организовал обучение и воспитание командования Красной армии так, чтобы оно имело целью защиту Родины во время войны, а не паразитирование на шее народа в мирное время.

Стратег и завистник

Я занялся давно лежащими в моей библиотеке сборниками документов Великой Отечественной войны из серии «Русский архив», выпущенных Институтом военной истории Министерства обороны РФ в издательстве «Терра». В данном случае просмотрел четыре книги двенадцатого тома «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы». Кроме того, так уж получилось, но параллельно просмотрел в Интернете текст книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою», которая тоже, по сути, является подборкой документов, но только не обо всей войне, а о боевом пути 3-й гвардейской танковой армии.

Несмотря на то что и названием сборника – «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы», и его объемом анонсируется публикация как бы всех документов, вышедших из Генштаба в годы войны, у меня в этом нет никакой уверенности. В предисловии не сказано, все ли документы публикуются, не сказано, по какому принципу отбирались документы для публикации (номера им дали сами публикаторы): о каких событиях составители сборника поместили в него документы, а о каких событиях – не поместили. В результате сборник получился странным, и у меня даже подспудно возник вопрос: а читал ли его еще кто-то, кроме меня? Дело в том, что не менее (на беглый взгляд) 90 % опубликованных документов касаются перевозки войск из тыла на фронт, между фронтами и обратно в тыл. И эта масса распоряжений Генштаба о перевозке приводит к впечатлению, что войну выиграли исключительно железнодорожники (перемещения войск на большие расстояния походным порядком, были очень редкими). Причем чем дольше шла война, тем больше в сборнике именно таких документов о перевозках.

Понятно, что в обязанностях Генштаба был расчет технической возможности задуманных операций, а для их проведения требовалось сосредоточить войска, а для этого их нужно было перевезти, и все эти документы сборника – это «маневр Генштаба войсками». Все это понятно, но зачем помещать в сборник документы, по сути являющиеся типовыми, к примеру, вот такими:

«25 июня 1941 г.

Выполните перевозки:

1. Управления 7 ск, эшелоны № 10541-10571, погрузка – в Днепропетровске. Отправление: 26.6 – семь поездов, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут Знаменка – Фастов.

2. 196 сд, эшелоны № 10581-10613, погрузка – в Днепропетровске Отправление: 29.6 – один поезд, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут тот же.

3. 20 сд, эшелоны № 10621-10653, погрузка – в Павлограде Отправление 28.6 – два поезда, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут ст. Нижнеднепровск – Знаменка – Фастов.

4. 147 сд, эшелоны № 10661-10693, погрузка – в Кривом Роге Отправление 29.6 с темпом 12 эшелонов в сутки. Маршрут Долинская – Знаменка – Фастов.

Задание на погрузку дать начальнику передвижения войск Сталинской ж. д.»

Вот что этот документ, может дать историку? Что из него можно взять сегодня? Это, по сути, мусорная информация. А ведь именно таких распоряжений подавляющее большинство в тех почти 3,5 тысячах документов Генштаба, которые Институт военной истории опубликовал. Если бы документ о перевозке был дан всего один и с указанием, что он дан всего лишь для примера, то весь сборник сократился бы раз в 10 и стал бы доступным для чтения, а так...

Ладно. Если остальные документы, отправленные из Генштаба в ту войну, и не все опубликованы в сборнике, то вряд ли были изъяты такие документы, как планы боевых операций и их корректировка по ходу проведения. Так вот, подобных боевых распоряжений войскам в сборнике нет вообще! Если быть уж предельно точным, то раза три встречалось перенаправ-

ление Генштабом участвующих в операциях небольших соединений на иные цели. Ни Жуков в роли начальника Генштаба, ни сменивший его маршал Шапошников, ни Василевский, ни наиболее уважаемый Сталиным генерал Антонов во время войны как-то не стремились брать на себя ответственность за отдавание войскам боевых распоряжений.

Однако отсутствие боевых указаний, исходящих в войска из Генштаба, говорит только о том, что разработка планов боевых операций и руководство войсками если и велись в Генштабе, то не имели никакого значения без одобрения их Сталиным и без взятия им на себя ответственности за их исход. Если судить по опубликованным документам Генштаба, и боевые приказы даже не очень значительных боев шли только от Сталина. Да, собственно говоря, и подавляющая часть всех остальных распоряжений Генштаба начиналось стандартно: «Верховный Главнокомандующий приказал...».

Естественно, напрашивается вывод: раз так, то только на Сталине лежит ответственность за поражения в начале той войны. Но тогда только ему принадлежит и слава победы!

Мне могут сказать, что были же наши славные маршалы победы, которые и разработали планы всех победных операций Красной армии. А Сталин к этим победам только примазался. Ведь, скажем, Г. К. Жуков в своем эссе «Коротко о Сталине», написанном незадолго до смерти самого Жукова, именно так и писал:

«Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией».

Как видите, по Жукову, Сталин был непричастен к разработке победных операций, на самом деле они проводились по блестящим планам Жукова и именно Жуков был их «организатором». И Жуков, как видите, до конца жизни не мог Сталину простить примазывания к его, Жукова, славе.

Но, что интересно – из помянутой книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою» можно узнать и некоторые подробности того, как Жуков разрабатывал операции, и насколько Сталин был к ним «непричастен». И у Шеина интересно еще и то, что три описанных Шеиным случая жуковских полководческих инициатив приведены автором не для того, чтобы раскритиковать Жукова, а случайно – только потому, что эти жуковские планы напрямую связаны с историей 3-й танковой армии, о которой Шеин и пишет. Нет сомнений, что за войну планов Жукова (плодов его ума) поступало к Сталину гораздо больше, но давайте посмотрим на судьбу тех жуковских замыслов, которые привел Шеин. Итак...

23 февраля 1944 года представитель Ставки маршал Г. К. Жуков и командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин представили Верховному Главнокомандующему план операции на Проскуровско-Черновицком направлении. Сталин идею провести эту операцию одобрил, но внес важное уточнение: обе танковые армии и гвардия должны ударить вместе, а не с разных направлений, как предлагал Жуков:

«1. Обе танковые армии – 3-ю гвардейскую Рыбалко и 4-ю Баданова – использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова.

2. 1-ю гвардейскую армию усилить танками и самоходными орудиями за счет имеющих во фронте танковых бригад и самоходных полков.

3. Наступление начать 3–5 марта.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

А 10 марта 1944 года маршал Жуков представил Верховному Главнокомандующему план наступательной операции фронта на Черновицком и Львовском направлениях:

«Докладываю:

1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, считаю возможным после пяти-, шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

2. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий (23 стрелковых дивизии), усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольск.

Вспомогательный удар силами 18-й и 38-й армий (19 стрелковых дивизий) нанести с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский...

Наступление фронт может начать 20 марта. До 20.03 необходимо подтянуть артиллерию, произвести перегруппировку и подвезти горючее и боеприпасы.

Прошу утвердить план и начало операции».

Сталина этот план не удовлетворил, и в ответной директиве № 220052 от 11 марта Верховный Главнокомандующий указал:

«На ваши соображения, представленные шифром 10.03.1944 за № 7210/ш, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский в соответствии с новой левой разгранлинией фронта, установленной директивой Ставки № 220051.

2. Не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновцы с целью занятия этого пункта и выхода на нашу государственную границу.

3. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг, т. е. на нашу государственную границу, для чего перегруппировку произвести таким образом, чтобы усилить правое крыло фронта.

4. В ускоренном порядке доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко с целью произвести перегруппировку сил, с тем чтобы возобновить общее наступление не позднее 20–21.03.1944.

5. 11-й танковый корпус остается в резерве Ставки и будет укомплектован во вторую очередь.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

И наконец, план наступательной операции на Западной Украине в направлении Вислы Г. К. Жуков представил Верховному Главнокомандующему 23 июля:

«В связи с выходом армий Киевского (кодовая фамилия маршала Конева) на р. Сан и форсированием ее частью сил докладываю наше решение по дальнейшему наступлению подвижных войск Киевского.

1. Армия Катукова движется западнее р. Сан в район Домбровица, Сандомир, где и захватывает переправы на р. Висла. В дальнейшем Катуков захватывает район Кельце.

2. Армия Рыбалко действует левее Катукова и выходит к Висле в районе устья р. Вислока, где и переправляется. После переправы через Вислу действует левее Катукова, обходя Краков с севера.

3. Армию Лелюшенко после захвата Львова двигать в район Перемышль, Самбор с целью отрезания путей отхода станицлавско-дрогобычской группировки противника.

4. Корпус Баранова после переправы через р. Сан в районе Радымно бросить в район Кросно с целью обеспечения фланга фронта и отрезания путей отхода перемышльской группировке противника.

Корпус Константинова выбрасывается на правый фланг фронта в район Красника для взаимодействия с люблинской группой 1-го Белорусского фронта.

5. Остальные армии действуют по плану.

6. Если с вашей стороны не будет возражений, принятое решение по использованию подвижных войск 1-го Украинского фронта будем проводить в жизнь.

Жаров

(кодовая фамилия маршала Жукова)».

Однако Сталин этот план вообще не принял. В директиве № 220152, которой Сталин ответил на следующий день, говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает ваш план использования танковых армий и кавкорпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1. 1-ю танковую армию Катукова и 1-й гвардейский кавкорпус Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемышль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.

2. 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко и 4-ю танковую армию Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения городом Львов во взаимодействии с 60-й армией Курочкина. Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова.

3. 6-й гвардейский кавкорпус Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в общем направлении на Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3-й гвардейской армией Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.

4. Наступление на запад в ближайшее время ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

5. Об отданных распоряжениях донести и к 26.07.1944 представить план дальнейшей наступательной операции фронта после овладения Львовом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин»

Сначала обратите внимание на скорость, с которой Сталин отвечал – на следующий день!

Итак, благодаря Д. Шеину, у нас получилась случайная выборка из трех оперативных замыслов Жукова. И только один из них был одобрен Сталиным, да и то «со скрипом», а два плана Жукова Сталин отверг и заменил на свои. Поэтому как-то особенно бессовестно звучит обвинение Жукова в том, что Сталин, дескать, отодвигал в тень «организаторов» таких побед, как Жуков. На самом деле, как видим, именно Сталин, по сути, и являлся их реальным организатором. И то, что Сталин «держал руку на пульсе» им же и задуманных операций (Жуков по глупости и на это жалуется), обзванивая командующих фронтами и армиями, доходя до командиров корпусов, скорее всего, и обуславливает то, почему из собственно Генштаба практически ничего не выходило в плане текущего руководства боевыми операциями Красной армии. Руководство ими полностью лежало на Сталине, и именно Сталин давал войскам все необходимые указания, причем давал очень быстро – «оперативно».

Штришок к портрету Сталина

Хочу написать даже не то что об историческом моменте, а всего лишь о намеке на один момент нашей истории, до сих пор остающийся незамеченным.

Начиная с Гражданской войны в СССР учреждались награды «за бой и за труд». Сталин не мог отказываться от награждения ими, поскольку это было бы пренебрежением к государственным наградам, хотя сам Сталин орденов никогда не носил, делая исключение лишь для звезды Героя Социалистического Труда, которая с момента присвоения ему этого звания в 1939 году время от времени появляется на его груди. Всего до войны у него было три ордена – Орден Ленина и два Красного Знамени.

В ходе войны он начал командовать всеми фронтовыми операциями и принял еще пять наград – один орден Ленина, два ордена Победы, один Красного Знамени и орден Суворова 1 степени (что касается еще одного ордена Ленина, то скажу о нем отдельно). То есть Сталин, как и все маршалы СССР, принимал полагавшиеся ему награды, поскольку и обязан был их принять, и, скорее всего, соглашался с тем, что он их заслужил.

Маршал Тимошенко, который полтора года накануне войны был наркомом (министром) обороны, прекрасно воевал во время войны и был награжден шестью орденами – одним орденом Ленина, одним орденом Победы, тремя орденами Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени. То есть был награжден даже большим количеством орденов, нежели Сталин.

Маршал Ворошилов с 1925 года до начала 1940 года был наркомом обороны. Во время войны был награжден тремя орденами – одним орденом Ленина, одним орденом Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени.

Звание Героя Советского Союза начали присваивать военачальникам с момента учреждения этой награды. Жуков, к примеру, имел это звание за Халхин-Гол, маршалы Кулик и Тимошенко – за финскую войну, а генерал Штерн за руководство войсками в Испании – за исполнение интернационального долга. То есть присвоение звания Героя Советского Союза высшему командному составу Красной армии было уже устоявшейся практикой. Соответственно, и во время Великой Отечественной войны присвоение старшим военачальникам этого звания было продолжено, но уже в резко возросшем количестве. Некоторым это звание было присвоено дважды (маршалы Рокоссовский, Жуков), а по окончании войны и по ее итогам звание Героя Советского Союза вообще присваивалось чохом, и в списки награжденных генералов попали и такие, которых, по совести, полагалось бы расстрелять.

Однако маршалам Тимошенко и Ворошилову это звание не было присвоено ни в ходе войны, ни по ее итогам. Получается, что Сталин, утверждая списки представленных к присвоению звания Героя Советского Союза, этих полководцев просто вычеркивал, хотя на протяжении всей войны соглашался с награждением их полководческими орденами. К примеру, Сталин трижды представил Тимошенко к награждению высшим полководческим орденом Суворова 1 степени (у Жукова их всего два, у Сталина один), представил Тимошенко и к награждению уникальным орденом Победы, то есть считал, что Тимошенко эти ордена заслужил. Но героем его не считал! Почему??

Еще момент. Ни один комиссар (потом «член военного совета») не стал Героем Советского Союза. Хотя таких политработников, как Хрущев, Брежнев и особенно Мехлис, невозможно обвинить в трусости. Комиссар Поппель, 800 км по тылам немцев выводивший с боями остатки своего корпуса, писал, что такое указание в отношении комиссаров было получено с начала войны.

Так почему в понимании Сталина довоенные наркомы и вообще все комиссары не герои? Думаю, что дело вот в чем.

К 22 июня 1941 года Красная армия имела от советского народа все для разгрома немцев – прекрасный человеческий материал (даже Жуков считал главным фактором победы молодого советского солдата), вполне современные оружие и технику, и, главное, все это в количествах, превосходивших оружие и технику немцев. Красная армия имела достаточно боеприпасов, горючего и снаряжения. Но потерпела в 1941 году позорные поражения, отдала немцам огромные территории СССР и почти 40 % населения. Мучил ли Сталина вопрос «почему?»? Думаю, что мучил от начала войны и всю оставшуюся жизнь. И думаю, что причину этих поражений он увидел в той мерзости, которую проявил в войне кадровый командный состав Красной армии, увидел массовую подлость, предательство, трусость, неумение воевать и презрение к жизни солдат. Всю эту гнусность кадровый командный состав Красной армии сохранял и сохранил в неприкосновенности от царского офицерства, и на начало войны эта царско-офицерская мерзость в Красной армии осталась неискорененной.

А за качество кадрового командного состава армии отвечали министры обороны и комиссары.

Но почему Сталин об этом ни разу не упомянул ни словом? Потому что ни о чем подобном нельзя было говорить вслух во время войны и сразу после нее. Начни говорить об этой генеральско-офицерской подлости или даже расстреливать за нее во время войны – и доверие к командному составу рухнет, соответственно, армии не станет, но и с победой над немцами и японцами военная угроза для СССР постоянно сохранялась ввиду превосходства США в атомном оружии.

Ну а как же сам Сталин? Он же вождь, разве его вины в таком составе командования Красной армии нет? Да, он был вождь, да, на нем ответственность лежала за все. И, если я правильно понимаю, Сталин эту свою вину понимал и принимал.

Когда сразу после окончания войны с немцами все командующие фронтами подписали коллективное ходатайство в Президиум Верховного Совета присвоить их главнокомандующему звание Героя Советского Союза, то Верховный Совет СССР эту просьбу удовлетворил – присвоил Сталину это звание с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина. Но Сталин категорически отказался принимать знаки этих наград, и впервые они появились только на подушечках возле его гроба. (Потом уже художники на его портретах стали подрисовывать и звезду, и еще один орден Ленина, но при жизни Сталин их не то, что не носил, а и не получал). Не считал себя Сталин Героем Советского Союза.

Вот такой штришок к портрету Сталина.

Молниеносная война

Молниеносная война. Как это?

Все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются банальностями, ничего не объясняющими, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Германии было много танков и самолетов. То есть что молниеносная война – это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. – Ю. М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...»*

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать». Короче, если у тебя в армии много моторов, то и войну ты проведешь молниеносно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, а в 1941 году у СССР этого добра было в разы больше. И что толку?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»*. Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, скопировал я длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: *«Внушительные успехи танковых войск Германии в период “блицкригов” 1939–1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев»*. Далее начал читать, вернее, продираюсь сквозь:

«...Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz.I, 1092 Pz.II, 143 Pz.IV, 238 Pz.III, 381 Pz.IV, 290 Pz.IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сома S-35, 314 тяжелых В1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz.IV, [364] шести Pz.II и одного командирского танка на шасси Pz.I. Штат K.StN.11751 от 1 февраля 1941 года (1 K.StN. (Kriegsstärkenachweisung) – штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz.IV и 5 Pz.II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу “Барбароссы” отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz.IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz.70 (Krupp [377] “Protze” L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mercedes-Benz L1500A)... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz.II, 41 танк Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм

“окурком”, 4 танка Pz.IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz.II, 39 танков Pz.HI с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz.HI с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz.II, 114 танков Pz.38(t), 12 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием».

М-да... Что поделатъ – умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz.38(t) и Pz.IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934–1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса Вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой “блицкрига”. Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода “меч-кладенец”, симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной армии 1943–1944 годов». Это все.

По Исаеву, получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну. Ведь если немцы даже с СССР и даже «молниеносно» воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определили не танковые дивизии и не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я в полном смысле этого слова не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто, кроме меня?

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания Второй мировой войны – по свежим следам. Скажем, помянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен – полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь, случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной: о ней знают с момента создания ядерного оружия и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил бежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что Польша с союзниками Англией и Францией окажутся победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет Польши, когда стало ясно, что Польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отмобилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и белорусов от оккупации их немцами – практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отмотилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и французы.

Согласно франко- и англо-польскому договорам Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмотилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии) так презрительно отказавшиеся от помощи СССР в войне с немцами, потому что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить обстановку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же – глупо – выглядит и самый застенчивый участник Второй мировой войны – международное еврейство – сионисты. Решая свою внешнюю задачу – создание метрополии (государства Израиль), – международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера и, лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но, что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны – немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу – пехоту, – но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51 немецкая дивизия, в которых кадрового состава было по 5 %. И в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались – их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда – потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить»*.

Главкомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, также и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в

том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 года, Гитлер сообщил, что минимальные требования от Польши: *«Данциг, решения вопроса о коридоре»* – то есть минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования – *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, то есть от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадёжная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции непросто, тут о ее молниеносности уже не думают.

Поэтому когда 7 сентября поляки предложили немцам перемирие (а их армия уже вовсю удирала от немцев на всех фронтах), то обрадованные немцы сформировали свои требования, которые начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области (Западной) Украины – самостоятельны»*. Как видите, в этих требованиях и мысли не было о ликвидации Польши как государства, и хотя немцы уже заняли Краков, но, как видите, собирались даже его вернуть полякам.

Но это прощляли политики, а что генералы?

Растерянность генералов

Немецкого фельдмаршала Э. Манштейна иностранные историки считают самым блестящим стратегом рейха и самым опасным противником союзников, мало этого, даже его ревнивые к военной славе коллеги отдают ему должное. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) В. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме незадолго до казни, писал: *«Я сам трижды советовал Гитлеру заметить меня фон Маништейном»*. Немецкий теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан дает Манштейну такую оценку: *«Маништейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный ум»*. После войны Манштейн написал мемуары «Утерянные победы», абсолютно лживые в части, касающейся его собственного авантюризма, но, отдам ему должное, по степени осмысления боевых действий, целей и задач войск Манштейн действительно заслуживает внимания.

Но вот посмотрите на попытку Манштейна осмыслить, что такое эта самая молниеносная война:

«Польская кампания в то время получила название “молниеносной войны”. Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

– во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на востоке;

– во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, ввергнуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиа-

ции, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия – детище этого рейхсвера – была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны, в “торговлю железом”. Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, – вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер».

Во-первых, как следует из начала цитаты, Манштейн и даже через много лет после войны не рискует сделать вывод о том, что немцы, начиная ее, хотя бы мечтали провести ее молниеносно (сам термин появился уже после войны). И даже много лет спустя после войны Манштейн путается в догадках, что вызвало эту молниеносность? Манштейн представил «инструментов блицкрига» и больше, чем сумел наковырять в носу А. Исаев, и они другие:

1. Отсутствие второго фронта.
2. Бездарность польских генералов.
3. Гений Гитлера в оснащении войск новой техникой (танки и самолеты).
4. Мужество немецких солдат.
5. Мастерство немецких генералов.
6. Самостоятельность немецкого командного состава в деле управления войсками.

Отдадим должное – Манштейн специально оговаривает, что само по себе превосходство в силах и технике не могло привести к такому результату войны. Да и остальные перечисленные Манштейном факторы победы, безусловно, имеют место быть, но сами по себе они уж очень сомнительны в случае объяснения ими молниеносности войны.

Отсутствие реального второго фронта никак не помогло немцам в войне с СССР, бездарность советских генералов – тоже, в мужестве немецких солдат накануне польской кампании обоснованно сомневались, как вы видели выше, достаточно компетентные немецкие генералы и даже считали его ниже, чем накануне Первой мировой войны. Мастерству немецких генералов и их самостоятельности нужно отдать должное, и я это сделаю, но ведь их мастерство и их самостоятельность сам Манштейн возводит к армии кайзера, однако кайзеровская армия проиграла Первую мировую войну, несмотря на эти качества.

Этот набор факторов никак не объясняет и последующие молниеносные кампании Германии, скажем победу Германии над Францией за 39 дней боев. Никакими вторыми фронтами, превосходством оружия и техники (которых на самом деле не было) или искусством немецких генералов не объяснить, почему Франция в Первую мировую воевала 4 года и, потеряв убитыми миллион солдат, победила и почему она в 1940 году, потеряв всего 100 тысяч солдат, сдалась.

Из этих размышлений Манштейна следует, что и он даже через много лет после войны по-настоящему не понял, что же произошло, в чем были причины молниеносности немецких побед в войнах (кампаниях) начала Второй мировой войны? И в объяснении Манштейн дает стандартный набор причин, который годится для любой войны, в том числе и позиционной, но никак не объясняет причин молниеносности войны.

Как видим, молниеносность войны упала на немецких генералов как снег на голову, и дать ей объяснения они просто не могут. И не только немецкие генералы.

С начала Второй мировой войны и до 22 июня 1941 года у немцев все войны были молниеносными, и, казалось бы, в тот момент у военных профессионалов не должно уже было быть проблем предсказать итог любой новой войны, начатой немцами. Но британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует: *«Как только стало известно о начале операции “Барбаросса”, практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэр Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.*

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Не лучше выглядит и Гитлер, вот свидетельствует министр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер (время подслушанного им разговора – июнь 1940 года): *«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант доложил ему, что я хотел бы попрощаться. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер в продолжение разговора произнес: “Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра”. В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветствия моей жене и посулил в самом непродолжительном времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».*

Германия не только не победила Советский Союз к рождеству 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР.

Как видите, никто из британских, американских и немецких генералов и аналитиков не увидел полного отсутствия факторов молниеносности в предстоящей войне Германии и СССР! Так чего стоят в вопросе того, что такое молниеносная война, разъяснения генералов и военных специалистов? Есть легкомысленная поговорка, что даже с самой красивой женщины нельзя снять больше, чем с нее можно снять, и в нашем случае даже с самого выдающегося генерала нельзя получить объяснений больше, чем он может дать.

Забегая вперед, отмечу: отсюда следует, что молниеносность войны – это не уровень генералов, их уровень – это победа в сражении, а победа в войне – это вопрос более высокого уровня. Что, в общем, понятно и относится к любой войне – и молниеносной, и затяжной. Разумеется, принципы побед в сражениях, разработанные немецкими генералами, – это очень важно, и это будет рассмотрено, но еще раз подчеркну: сражения сражениями, а война войной. Англичане говорят, что могут проиграть все сражения войны, кроме последнего, вот и немцы во Второй мировой выиграли все сражения, кроме последнего, но вина в этом лежит не на

немецких солдатах и генералах – они были так же хороши и даже лучше, чем тогда, когда они выигрывали сражения.

Подытожив, следует сделать вывод, что вот эта плохо скрытая растерянность политиков и генералов при виде молниеносности начала Второй мировой говорит о том, что в дело войны вмешалась сила, которая ими совершенно не была учтена. И, добавлю, на сегодня не учитывается по меньшей мере масса тех, кто интересуется войнами.

Ответственность народа за все и всех

Было время, когда территории всех стран заселяли люди, не имеющие никакого отношения к войне и армиям. Но этих людей периодически грабили, уводили в рабство и даже иногда убивали. Чтобы этого избежать, люди платили дань (налог) королю, царю, князю или еще какому бандиту, которые на эту дань нанимали профессиональных воинов и защищали тех, кто им платил дань – своих подданных. При этом время от времени, из алчности или чтобы не забыть ремесло, эти монархи сами пытались ограбить тех, кто им дань не платил, – подданных иных монархов. Но даже если своему монарху и не сиделось на месте и он шел войной на соседа, то его народ в этом не был виноват (хотя за это расплачивался).

И до второй половины XIX века было именно такое разделение труда – был народ – нон-комбатанты, – которому в принципе было все равно, кому платить дань, и были профессионалы войны – монархи, генералы, офицеры и солдаты, – комбатанты, которые и воевали. Война была вне народа, народ, правда, ее оплачивал, порою своим разорением, но ни на подготовку и дух армии своего монарха, ни на объявление войны, ни на протекание военных действий никакого влияния народ не оказывал.

Для того времени выработались принципы побед в таких войнах, а для каждого периода развития техники и технологии (развития средств ведения войны) вырабатывались оперативное мастерство и тактика.

Тем не менее, и как ни странно, но и сегодня масса исследователей смотрит на войну так, как будто мир еще состоит из монархов со своими дружинами и из их подданных, не имеющих отношения к войне. Но ведь это уже давно не так.

Со второй половины XIX века во всех основных государствах мира в той или иной степени была введена всеобщая воинская повинность, сделавшая народ и армию одним целым. Одновременно настолько возросла сложность оружия, его количество и стоимость, что и в экономическом смысле народ и армия объединились, поскольку армия без непрерывного снабжения из тыла немедленно становилась небоеспособной. Таким образом, тыл с его как бы мирным населением тоже стал воюющей стороной, тоже стал комбатантом и, само собой, объектом военных действий – объектом уничтожения.

Но и это не все. С начала прошлого века практически исчезли суверенные монархи, формально власть перешла неким людям, которые в той или иной степени избираются всем народом. Таким образом, вина за агрессию и последствия войны тоже фактически легла на весь народ, поскольку он избрал этих людей. Заметим, что на сегодня наиболее устрашающее оружие – ядерное – как раз и предназначено в своей массе всему народу, поскольку эффективность применения его против собственно вооруженных сил противника весьма сомнительна.

Таким образом, сегодня в народе, точнее в его государстве, объединились все аспекты силы, присущие архаической армии: и правовые, и моральные, и технические. С начала XX века, особенно в мировых войнах, все эти аспекты поднялись на ступень. Теперь не армии выигрывают войны, а государства, теперь важна моральная стойкость не только войск, но и всего народа, теперь важно мастерство не только офицеров, но и всех руководителей в государстве, включая мастерство какого-нибудь руководителя сельскохозяйственного предприятия или маленького городка. И теперь важны не только талант и искусство генералов, но в первую очередь талант и искусство руководителей государства.

В реальном сражении талант и искусство командиров дивизий становятся бесполезными, если всей армией командует дурак или предатель, точно так же и в современной войне бесполезны таланты генералов, если во главе государства дураки или предатели. Разумеется, поднимается и слава – теперь войны выигрывают не генералы, а главы правительств, генералам остается выиграть сражения (если дело доходит до сражений), отсюда, кстати, и некомпетентность

генералов в вопросах победы во всей войне: привычные им мерки недостаточны для исследования ими этого вопроса.

Переходит ли война в стадию военного противоборства или нет, но все сражения этой войны или все ее перипетии (как правило, комплекс мер политического и пропагандистского давления на противника) удобно представлять одним сражением или одним действием. Удобно для того, чтобы использовать для анализа этой войны принципы победы в войне, выработанные в эпоху архаичных войн, – использовать те войны в качестве аналогии, в качестве модели для настоящих войн.

Положение исследователя принципов молниеносной войны усложняется органической подлостью существующих форм демократии, дающих возможность истинным руководителям государств оставаться в тени и предоставлять формальной власти – президентам, премьер-министрам и депутатам – принимать на себя всю славу или позор последствий их правления.

На ранних этапах развития демократии во власть еще могли попасть лица, мало зависящие от денежных мешков и владельцев СМИ и искренне защищающие интересы своего народа, – лица, которых в той или иной мере можно считать самостоятельными. Но даже такие руководители государств очень часто преследовали не только интересы своего народа, как они эти интересы видели, но и интересы этих остающихся за кулисами сил. Делали это либо потому, что считали интересы этих сил совпадающими с интересами своего народа, либо потому, что считали эти силы союзными народу, либо просто не видели возможности сопротивления этим силам. Я так уверенно об этом пишу, потому что выбор мотивов даже в случае самостоятельного руководителя не очень велик. Мотивы же того, почему формальные руководители государства служат не народу, а тому, кто протолкнул их к формальной власти, еще проще – «долг платежом красен», «кто платит за ужин, тот и девушку танцует».

Теперь надо перейти к целям войны.

Начало войны

Война, как противоборство вооруженных сил, «архаическая война» – дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц (1780–1831) в своем объемном труде «О войне». Вообще-то раньше (когда народ больше читал и меньше смотрел) щегольнуть цитатой из Клаузевица было хорошим тоном для любого высокопоставленного военного или пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть: в вопросах осмысления архаической войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора), мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны» (все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как войну выиграть).

Так вот, Клаузевиц ввел в обиход политиков выражение: *«Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»*. Выражение очень модное до сих пор, хотя, по моему мнению, абсолютно не понимаемое. Не вдаваясь в подробности того, что такое политика вообще, суммируем определение так: в данном случае политика – это комплекс действий, которыми некий монарх или избранное народом правительство хотят достичь неких целей по отношению к другому государству. Разумеется, первоначально они хотят достичь этих целей невоенными средствами, и только тогда, когда у них это не получается, начинают войну – продолжают свою политику.

Это выражение сомнительно уже для эпохи архаичных войн, а сегодня оно вообще вводит в заблуждение, поскольку началом войны считает начало собственно боевых действий вооруженных сил. А как же политика? Нет, начало боевых действий – это не начало войны (не начало политики), а всего лишь начало вооруженного противостояния, которое само по себе имеет целью не цели войны, а обезвреживание вооруженных сил противника. А цели войны должна достигнуть сама война (сама политика), посему и началом войны следует считать момент, когда какое-либо государство сформирует претензии к другому государству и начнет политику по достижению этих своих целей. Во времена Клаузевица с теми средствами связи и средств массовой информации этой особенности не было видно, но сейчас как это не заметить?

А ведь это очень важно. Если не принимать меры обороны немедленно с началом враждебной политики, то можно непоправимо опоздать либо понести огромные потери тогда, когда война перейдет в стадию противоборства вооруженных сил. Особо жестоко страдают те, кто вместо начала обороны продолжает считать агрессора своим другом, хотя агрессор редко способен скрыть свою сущность. Разумеется, сила государства имеет огромное значение (об этом позже), но время начала обороны также имеет огромное значение. Возьмите примеры современной истории. Что дало Югославии, Ираку, Афганистану или Ливии то, что эти страны рассматривали своего будущего агрессора в качестве светоча цивилизации и друга? Между тем Куба и Корейская народная демократическая республика никогда не стеснялись называть агрессивных уродов агрессорами. Эти страны, несмотря на свою физическую слабость, постоянно готовы встретить агрессора вооруженной рукой, посему сохраняют свой суверенитет и ограждают себя от ограбления до сих пор. Как бы агрессоры и ни щелкали зубами.

Цели войны

Что касается истинных целей войны, то они всегда экономические, а разделяются в зависимости от роли, назначенной данному государству: государство начинает войну либо с целью ограбить жертву, либо с целью прекратить или предотвратить ограбление.

Правда, слово «ограбление» уже не описывает ситуацию, поскольку его значение явно связывается с откровенным отъемом имущества под угрозой применения силы. Между тем арсенал отъема имущества настолько пополнился новыми средствами, что даже Гитлер по окончании войны не собирался пользоваться грабежом оккупированных территорий СССР в чистом виде, а сегодня даже агрессоры чистый грабеж объявляют преступлением. Сегодня грабеж уже надежно замаскирован различными «экономическими формами», начиная от предоставления кредитов и инвестиций, заканчивая «добровольной» передачей предприятий от своих «неэффективных» руководителей «эффективным» руководителям агрессора.

Или вот такой внешне как бы никак не связанный с грабежом аспект, как внедрение в независимое государство своей валюты. Смысл денег – то, для чего они предназначаются, – обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмитирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем 10 %. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет кроме процентов и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента, давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000 % прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000 % в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств даже при минимальных процентных ставках за кредит.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США – доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, был продан в Китай. США сегодня – это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег – это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, то есть никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров. И кстати, это достаточный повод к войне той страны, которая грабит окружающих своей валютой.

Таким образом, понятия «рабство» и «колониальная зависимость» для целей войны, вроде и точные по существу, но годятся только для пропаганды. И хотя нынешние рабы по-прежнему алчут только хлеба и зрелищ, но и они уже далеко не те, что в Древнем Риме, а современные колонии, соответственно, далеко не те, что колониальная Индия.

Поэтому, чтобы не входить в споры по определениям целей войны, опишу их как можно более обще: агрессор имеет целью изменить существующий порядок вещей в стране-жертве. Такое определение цели включает в себя все возможные варианты любых целей.

Сила государства

Вряд ли кто-то будет сильно возражать, если применительно к войне я общую силу государства разложу на три составляющие силы – силу ее армии, силу экономики (хозяйства государства) и моральную силу народа. Хочу обратить ваше внимание на то, что я дал силы в порядке нарастания их значения. Сила армии – на последнем месте, силы экономики – на втором.

Все же оружие есть оружие, при современном развитии оружия и боевой техники уже невозможно обойтись палкой или камнем, а это оружие дает экономика. Хорошо, если есть союзники, которые что-то из оружия поставят, а если их нет? Тогда свое народное хозяйство должно стать спасителем армии и страны. Правда, сила народного хозяйства как таковая не зависит от войны – сильная экономика и в мирное время сильна. Часть ее производит оружие, боевую технику, боеприпасы и в мирное время, а во время войны это производство возрастает за счет сокращения мирной продукции. Скажем так, экономическая сила государства важна при любом виде войны и напрямую с молниеносностью войны не связана. Поэтому я не стану эту силу рассматривать.

И наконец, огромное, ничем не заменяемое и никак не импортируемое значение имеет моральная сила народа, поэтому я и ставлю ее на первое место. Собственно, на моральной силе народа базируются первые, явно «военные» силы.

Возьмите Вьетнамскую войну, в которой США признали свое поражение, хотя их военные и экономические силы и эти же силы Вьетнама были просто несопоставимы, какой бы ни была помощь оружием из СССР. И в данном случае дело не в слабости моральных сил США с их антивоенным движением, я уверен, что это движение тайно стимулировалось правительством США, для того чтобы иметь хоть какой-то повод закончить войну. Ведь за 20 лет до этого война с неизмеримо более сильными Японией и Германией не вызвала в США антивоенного маразма. Да, разумеется, во Второй мировой войне США выглядели жертвой агрессии, поскольку это на США напала Япония и это Германия объявила войну США. Но ведь и во Вьетнамской войне формально не США были активной стороной войны, а Северный Вьетнам, а США формально всего лишь помогали жертве – Южному Вьетнаму. Тем не менее в 40-х годах не было многотысячных демонстраций с речовками «Рузвельт, Рузвельт, гей-гей, сколько ты убил детей?!», хотя авиация США в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки убила немецких и японских детей немеряно.

Остается признать, что причиной поражения США во Вьетнамской войне были моральные силы вьетнамцев, которые в явном виде проявились в отсутствии во Вьетнаме предателей в количестве, достаточном для подчинения Вьетнама воле США (сами по себе предатели были, но их было относительно мало). Ведь как подчинить себе народ без предателей из этого народа? Не будет же оккупант всю жизнь сидеть в укрепленных лагерях на территории этой страны, боясь из них высунуть нос? США оставалось либо физически уничтожить всех вьетнамцев и заселить территорию американцами или какими-нибудь лояльными неграми, либо признать поражение и уйти. Первый путь был невозможен, оставался второй, им США и воспользовались.

Сейчас в мире такие государственные деятели, которые сами не понимают, что происходит, а со времен Второй мировой войны воспоминания о ней написал только один действовавший тогда глава государства – Уинстон Черчилль. Вопрос моральных сил – вопрос очень деликатный, даже настоящие политики о нем стараются не говорить, чтобы не обидеть свой народ и не навредить себе этим на будущих выборах – не подорвать этим свою популярность. Тем не менее Черчилль вскользь вынужден задеть и его, когда ему надо хоть чем-то объяснить молниеносность разворачивающихся событий Второй мировой войны.

Молниеносным этапом Второй мировой следует считать ее период с 1 сентября 1939 года по, пожалуй, конец 1941 года на Востоке и конец 1942 года на Западе. В этот период немцы захватили Норвегию, лишь на несколько часов опередив англичан и французов, то есть фактически отбив ее у них. Причем силы англо-французов были превосходящими – под Нарвиком, к примеру, в четыре раза. Черчиллю это поражение нужно было как-то объяснить. В его цитатах выделяю значащие для данной темы моменты:

*«Нас, которые имели превосходство на море и могли высадиться в любом месте на незащищенном побережье, превзошел противник, преодолевавший по суше большие расстояния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской схватке наши превосходные войска – шотландская и ирландская гвардия – были **разбиты гитлеровской молодежью благодаря ее энергии, инициативе** и военной подготовке.*

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепиться в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обошлась с нами. Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Неудача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые могли видеть английский народ, наши союзники и весь нейтральный – дружественный и враждебный – мир.

*...Нападением Гитлера на Норвегию закончились “сумерки войны”. Она разгорелась ослепительным пламенем такого страшного военного взрыва, какого еще не знало человечество. Я охарактеризовал **состояние транса**, в котором пребывали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоумевал. Эта фаза оказалась **самой вредной** для союзников. **Моральное состояние Франции, ее солдат и народа стало теперь, в мае, определенно хуже**, чем в начале войны.*

*...Невозмутимый, искренний, но косный характер правительства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в правительственных кругах, ни на военных заводах, которые были жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и приближение опасности, чтобы **дремлющие силы английского народа пробудились**».*

Как видите, Черчилль в данном случае не стал «пудрить мозги» читателям «войной моторов» или пресловутыми «танковыми клиньями» таковых дивизий совершенной организации, которых, правда, в Норвегии просто не было.

Итак, займемся рассмотрением сил государства, в данном случае моральных и военных.

Моральная сила и деморализация противника

Если армией считать весь народ, все государство (а именно так и надо считать), то тогда с точки зрения принципов победы архаические войны (одними армиями) можно считать моделями современных войн. И вот к чему в этом плане пришел уже упомянутый мною К. Клаузевиц.

Он писал, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов, и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора – моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку, для того чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким – смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы – бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута без боя, к примеру самой угрозой нанести морально не стойкому противнику поражение (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведавшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.»

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, то есть не заключало в себе **внутреннего противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».

Моральные силы противника – это такая же сила, как и его материальная сила, и уже во времена архаичных войн нужно было быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принимать мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем, – нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текущим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.»

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», – пишет Клаузевиц.

Как видите, уже к середине XIX века логический анализ и примеры показывали, что достижение победы путем уничтожения не материальной, а моральной силы противника гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение ее единственным имеющимся у войны средством – боем. Деморализация противника – вот ключ к успеху!

(Я понимаю, что у читателей при выводе об уничтожении государства без войны сразу же приходит на ум СССР. И правильно приходит: это классический пример победы в войне. Болтовня о «демократических преобразованиях» в СССР – это болтовня «в пользу бедных». Умом. Был враг – НАТО, этот враг теперь хвастается своей победой, а на территории бывшего СССР установлены выгодные этому врагу порядки, кстати, те порядки, которые и хотел установить на территории СССР Гитлер, пытавшийся это сделать в ходе Второй мировой войны.)

И несмотря на эту очевидность главенствования моральных сил, и по сей день, описывая войны и видя, что в ходе этих войн вооруженные силы противников практически не участвовали, аналитики жуют и жуют вопрос только соотношения материальных сил. Вспомните освещение побед США в последних войнах всеми комментаторами – и проамериканскими, и антиамериканскими. Как только на такого аналитика наведут объектив телекамеры или пообещают место на страницах печатных СМИ, он немедленно начинает выдавать «важные» подробности, якобы «определившие» победу США. А именно: численность войск и союзников, численность и качество оружия, и т. д. и т. п. – все то, что, возможно, и определило бы победу войск США, если бы они действительно воевали силами армии, авиации и флота. Но ведь, одержав военные победы над Сербией, Афганистаном и Ираком, США не воевали! Некую боевую активность проявляла авиация, да и то если была гарантия проведения боевого вылета без боя, то есть в условиях подавленной ПВО противника. Не воевали, но военные победы одержали! Что именно уничтожили США у своих жертв в этих войнах, чтобы одержать победу в войне? Методом исключения остаются моральные силы.

И вот тут возникают два вопроса: чем уничтожили и было ли что уничтожать? Начнем с первого.

Гитлер как ученик англосаксов

А. Гитлер, глава Германии тех времен, убийственную роль подрыва моральных сил народа пропагандой испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. А после войны, в 1924 году, он говорил, что не только ему, но и тем, кто пытался понять суть происходящего, только во время Второй мировой войны стало понятно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Причем в качестве примера Гитлер брал не немецкую пропаганду, которую ругал за глупость, а пропаганду противников Германии – Великобритании и США.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его труды в СССР были под запретом, под запретом они и сегодня, и поэтому неудивительно, что и историки, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т. д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощностю этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все: от публициста Андре Моруа до упомянутого английского военного теоретика Д. Фуллера.

Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе:

«К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 году подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самим богом.

“Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, – кричал Гитлер. – Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидующий гений всегда выше круга специалистов”.

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том *“Mein Kampf”*, он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне “моторизация” будет “преобладать и сыграет решающую роль”. Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель заключалась в захвате *Lebensraum* (жизненного пространства) для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: “Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданных действий?.. Есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями”.

Из приводимой ниже цитаты из книги Раузинга видна суть теории Гитлера: “Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем пойдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня».

Как видите, Гитлер действовал так, как и предлагал Клаузевиц: он сначала добивался паники у противника, и, подчеркну, добивался ее еще в МИРНОЕ время, а уж потом наносил удар.

Но Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть за 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8: *«Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени»*. А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: *«В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил»*. А Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Правда, дело не только в том, что Гитлер невнимательно читал Клаузевица, но об этом в свое время.

Способы уничтожения моральных сил противника

Тем не менее, как видите, немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то коварство и ложь для немцев были естественны и в военной пропаганде, хотя в данном случае это не столь важно, поскольку, повторю, естественно.

Что имеется в виду под моральными силами и деморализацией?

Принятое определение морали – добровольно принятые в обществе традиции, нормы поведения, защищающие представления общества о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. Конкретных норм поведения может быть много, и они для разных обществ могут быть разными, но если общество существует, то в нем в основе морали обязательно лежит долг перед обществом – обязанность защищать его. В основе долга лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу – это, по сути, долг потомкам. В основе долга лежат требования морали быть честным и совестливым. Интересно, что у древних персов главным качеством воина была не сила или храбрость, а честность. Честность не даст отказаться от долга, а при отказе от долга сила и храбрость воина становятся бесполезными.

Это мораль взрослых людей, детям она не присуща, и ее у них нужно воспитывать, а у животных если и есть зачатки морали, то основаны они на инстинктах, а не на интеллектуальном осознании необходимости морали. Соответственно, в сильном обществе считается злом подлость и трусость, бессовестность и уклонение от исполнения долга.

Но, подчеркну, долг – это **ДОБРОВОЛЬНО** принятая норма поведения, как и все нормы морали. Соответственно, человек может и отказаться от долга. Вот этот отказ от исполнения долга и есть **ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ** противника.

Со времен архаичных войн способы деморализации противника известны, просты и понятны:

- внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору. Поскольку этот способ воздействует на инстинкт самосохранения человека, то он действенен во все времена, причем чем более инфантильны люди, чем менее они охвачены человеческой моралью, чем больше они дети и животные, тем способ более действенен;

- разделить общество на части, и эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным – это известнейший принцип «разделяй и властвуй!»;

- склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ – игрой на алчности.

Гитлер, как видите, открыто стремился опереться на пятую колонну в странах, намеченных в жертвы агрессии (думаю, что Гитлер был горд собой и был уверен, что превзошел в этом вопросе и Клаузевица, и своих учителей – англосаксов). Однако в действиях Гитлера по уничтожению моральных сил будущей жертвы не видно ничего, что можно было бы считать оригинальным, все его действия в этом плане или известны, или очевидны. Единственно, он открыто заявил, что начинать борьбу за деморализацию будущего противника нужно задолго до войны, и это действительно так.

Пятая колонна

Немного о пятой колонне. Я уже не раз писал, что раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» – пустой звук. Этому термину дала жизнь гражданская война в Испании в 1936–1939 годах. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание – «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в Испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда пятую колонну называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Разумеется, Гитлер использовал для пятой колонны этнических немцев, живущих в других странах, в этом, надо сказать, абсолютно не было ничего нового: немцы использовали этнических немцев России еще в Первую мировую войну.

А затем Гитлером в государстве-жертве использовались все, кто был недоволен существующей организацией общества, – тоже ничего нового. Если исключить из числа пятой колонны идейных революционеров, для которых неприемлем грабеж собственного народа, который они собираются осчастливить, то в ней останется ленивая и глупая часть населения. Та часть общества, у которой не хватает ни ума, ни работоспособности, чтобы достичь в обществе того материального положения, которое эта часть алчет. Та часть общества, которая достаточно подлая, чтобы пренебречь интересами всего общества и попытаться достичь желаемого при оккупантах. Эта часть может действовать как самостоятельно, так и в составе различных революционных течений, поскольку открыто показать свою подлость и служить оккупантам только ради денег непросто.

Пятой колонной вполне могут быть национальные и меньшинство, и большинство, алчущие денег и славы под соусом национального освобождения или освобождения от обузы «кормить чучмеков». И могут быть идейные сторонники политических режимов агрессора, которые алчут тех же денег и власти, но под политическим соусом. В Испании как раз из таких и состояла та часть предателей республики, которая дала название самому термину «пятая колонна», такими же были сторонники нацистов в Великобритании, Голландии или Норвегии.

Обычно, вред от пятой колонны видят в силовом предательском воздействии внутри страны в пользу агрессора – в «ударе ножом в спину», и во времена Второй мировой войны чаще всего именно так и было. Вот, скажем, в Норвегии был деятель, майор норвежской армии Видкун Квислинг, с 1931 по 1933 год он был даже министром обороны. Но в том же 1933 году при помощи немецких нацистов Квислинг основал партию «Национальное единение», в которую со временем вступило около 50 тысяч человек. Когда в день начала немецкого нападения на Норвегию норвежское правительство эвакуировалось из Осло, Квислинг организовал мятеж и по радио объявил о государственном перевороте и создании правительства под своим руководством. Соответственно, он призвал норвежцев подчиниться немцам и прекра-

тить сопротивление. Это дезорганизовало Норвегию и ее армию и помогло немцам в конце концов захватить Норвегию без больших потерь.

Деморализующее влияние пятой колонны

Но удар в спину – это далеко не все и, возможно, не самое главное. Страшен в пятой колонне пример отказа от исполнения долга перед обществом. Подчеркну, не ее собственный отказ от долга перед Родиной – это само собой разумеется, а то, что она является примером подражания для других.

Вот такой, на первый взгляд, не имеющий отношения к делу подход к пятой колонне.

Корреспондент РИА «Новые регионы» 6 декабря 2007 года передал из Тель-Авива сообщение под заголовком «Премьер Израиля поблагодарил советских евреев за развал СССР», в котором, в частности, говорится: *«Выступая в среду вечером на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала борьбы проживавших на территории СССР евреев за право выезда в Израиль, премьер-министр этой страны Эхуд Ольмерт заявил, что победа, одержанная ими в этой борьбе, стала одной из причин распада Советского Союза»*. А экс-министр Натан Щаранский заявил: *«...Победа, одержанная советскими евреями в борьбе за право на выезд, “существенно подтолкнула Советский Союз к распаду и тем самым изменила мировой порядок”*». Как видите, руководители Израиля хвастаются, что 40 лет назад выезд евреев из СССР привел к уничтожению общества СССР. Но как и чем этот простой выезд евреев из страны связан с уничтожением СССР?

Вообще-то, нет уверенности, что эти руководители Израиля действительно понимали, что именно они сказали, и совершенно понятно, что они не читали Гитлера. Иначе остереглись бы заявлять подобное. Ведь Гитлер за 90 лет до этого праздника определил евреев как фермент дезорганизации, распада любого общества, а конкретно Гитлер писал о дезорганизации евреями как раз СССР – о том, что они являются ферментом его распада. И надо ли было этим деятелям Израиля подтверждать правоту Гитлера?

Правда, есть евреи и евреи. Есть граждане данной страны еврейского происхождения, которые, соответственно, чувствуют свой долг перед Родиной и исполняют его подчас лучше, нежели коренные граждане. И есть лица, которые в любой стране остаются только евреями, образуя как бы отдельную политическую организацию. Вторые как раз и выезжали, что само по себе было бы благом для СССР, если бы сам их отказ от долга обществу, в котором они выросли, которое их защищало и обучало, сопровождался хотя бы презрением этого общества. Но этого не было, эти лица оставались как бы нормальными людьми, хотя не скрывали, что подавляющая их масса едет не за пресловутой свободой, а «за длинной колбасой», и даже не в Израиль, а в США. Мало этого, вместо того, чтобы провести публичное «аутодафе» предателям СССР, сам этот факт замалчивали, а мелкими придирками из этих в массе своей бессовестных людей делали «узников совести».

Повторю, мораль – это нормы поведения, принимаемые человеком на себя добровольно и в случае, если и окружающие руководствуются этими же нормами. Если же окружающие не руководствуются моралью, то моральный человек выглядит в собственных глазах каким-то дурачком, который ограничивает себя в том, в чем другие себя не ограничивают. И безнаказанный отказ кого-то по соседству от соблюдения моральных норм – это зараза, которая быстро распространяется и на окружающих. Почему в любой армии мира самым жестоким способом расправляются с дезертирами. Напомню, что офицеров всех армий исстари вооружали пистолетами – короткоствольным и маломощным оружием, малопригодным для боя с противником на обычных расстояниях огневого воздействия, причем большинство офицеров батальона в бою шли за боевым строем батальона, имея задачей пристрелить из пистолетов любого, кто попытается из строя выйти по причине отказа от исполнения долга.

В этом же случае отказ подобных евреев от гражданства на глазах у советской интеллигенции (две трети выезжающих евреев имели высшее образование) и отсутствие их осуждения

асфальтовым катком прокатывались по такому хрупкому чувству, как долг. Я помню в перестройку разговор с седоволосым казахом-аксакалом. Надо сказать, что у казахов, как и других азиатских народов, аксакалы (старики) пользуются исключительным уважением и авторитетом, но пользуются потому, что свято исполняют свой долг – живут не для себя, а для потомков и думают только об их благополучии. А тут этот аксакал цинично высказывался за то, чтобы передать недра Казахстана иностранцам и лично получить за это хорошие деньги. «Но ведь эти недра принадлежат и нашим потомкам!» – возмущался я. Это не действовало, в ответ этот аксакал талдычил про Саудовскую Аравию, которая свои недра продает и «хорошо живет».

Разумеется, в таком повороте мозгов, при котором даже старики, носители традиций, отказываются от заботы о будущих поколениях, виноваты не только евреи и не столько евреи, к примеру, отказ руководителей СССР от исполнения долга имел гораздо большее значение, однако понимали ли Ольмерт и Щаранский, о чем они говорили, или нет, но по сути ими сказанного они были правы.

И пятая колонна в первую очередь страшна этим: если ее члены имеют доступ к общению с большим количеством сограждан, то их идеи отказа от исполнения долга перед обществом разлагают народ данной страны – деморализуют его перед лицом иностранной угрозы.

И еще следует обратить внимание на то, почему уничтожать моральную силу противника выгодно заблаговременно, когда с противником еще мирные отношения. Ведь если бы евреи попробовали уезжать во время войны, то их бы расстреливали как дезертиров, а в мирное время на это никто не решился бы, поскольку в мирное время всевозможные пятые колонны имеют вид мирных диссидентов.

Волонтеры «пятой колонны»

Следует остановиться и на волонтерах пятой колонны – лицах, недовольных своим материальным или властным положением. Спросим себя: а кто им доволен в любом обществе в любых странах? Однако обычные люди, недовольные своим материальным положением, решают эту проблему за счет прилежного труда, рационализации, изобретательства, освоения искусства управления людьми и хозяйством. Им для повышения своего материального благосостояния не требуется разрушать общество, в котором они живут и которое их защищает, тем более не требуется это делать с помощью иностранной агрессии. Следовательно, на риск разрушения общества пойдут только те, кто по жизни улучшить свое положение обычным, честным путем не способен – только глупые и ленивые. Но и такие люди в любом обществе не в диковинку, однако просто глупые и ленивые видят свои способности и довольствуются тем, что имеют. Следовательно, для отказа от долга и для предательства общества лени и тупости как таковых мало, нужны еще и несоразмерные способностям амбиции – нужны претензии на иной статус в обществе без оснований его занимать. Откуда берутся такие амбиции?

Я вспоминаю одну из своих командировок в ЮАР в конце 80-х, когда там шли процессы по ликвидации сегрегации. Поскольку я ездил по заводам, то эта сегрегация была видна на глаз: все рабочие были черные, все руководители, инженеры и конторские служащие – белые. Основное число тех белых, с кем приходилось говорить на эту тему, в принципе видели необходимость этих процессов, но не представляли, как они будут жить с черными. Я же, со своей стороны плохо представляя, что именно происходит, полез с советом, казавшимся мне естественным, – принять меры к быстрому повышению образовательного уровня чернокожего населения. Собеседник грустно пожал плечами и сообщил, что на территории ЮАР работают несколько университетов для чернокожего населения Африки, но эти заведения практически не готовят специалистов: негры, получившие дипломы, в своей массе становятся революционерами – людьми, стремящимися удовлетворить свои амбиции путем разрушения имеющихся обществ.

Надо сказать, что до этого разговора я гордился полученным образованием, гордился тем ВУЗом, в котором я его получил, гордился тем, что в СССР людей с высшим образованием было больше, чем где-либо в мире, и что каждый четвертый ученый мира – это советский ученый. Взгляд на образование как рассадник заразы общества мне был внове.

Правда, я уже столкнулся с бросающейся в глаза ненормальностью. Днепропетровский металлургический институт (ДМетИ), который я окончил, готовил кадры по специальности «электрометаллургия» для примерно двух десятков соответствующих заводов и производств СССР. Такие же кадры готовили еще четыре ВУЗа, включая Московский институт стали и сплавов (МИСиС). Таким образом, только технологов готовилось более ста человек в год. Но уже из моей группы в 23 человека выпуска 1972 года вообще по специальности работало всего 5. На моем заводе в Казахстане – крупнейшем в своей отрасли – я был единственным выпускником-технологом своего института, а за всю историю завода на нем никогда не работал (даже временно) выпускник МИСиСа никакой специальности. В середине 80-х я ездил в родной институт для разговора с пятикурсниками с целью убедить их приезжать на наш завод работать – не приехал ни один. А мой старый преподаватель, видевший мои пропагандистские труды, с грустью предрек, что из этих студентов не то что ни один не приедет на наш завод, но и ни один не будет работать по специальности. У нас на заводе было около 600 должностей, требующих высшего образования, в цехах на должностях цеховых инженеров работало около 100 человек без высшего образования. Одновременно около 300 человек работало на рабочих должностях: в конторе мест для них не было, а в цехах они работать не хотели – не могли и боялись ответственности. Тогда для кого и для чего готовились эти «специалисты» с «верх-

ним» образованием? И где гарантия, что они осознают никчемность своего образования и у них исчезли амбиции?

Потом прочел в книге француза Г. Лебона «Психология народов и масс», впервые изданной в России в 1898 году, критику латинской системы образования, ныне властвующей во всем мире (выделено мною. – Ю. М.):

«...Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой латинской системой, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться».

Прерву Лебона вопросом: а насколько это тяжело – заучить то, что преподают в ВУЗе? Вот выводы современных психиатров, изучающих умственные отклонения людей и выделяющих группу «конституционно глупых» – глупых от природы:

«Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными».

Как видите, для глупцов от природы (или от лени) нет проблем в заучивании слов в учебном заведении с последующим воспроизведением их на экзамене, нет у них проблем и в обществе, особенно в обществе себе подобных. Психиатры фиксируют:

«Они умеют себя “держат” в обществе, говорят о погоде, говорят шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение “Salon blödsinn” – салонное слабоумие)».

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия.

С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, “общественному мнению”.

Становятся понятными подконтрольные правительствам «институты изучения общественного мнения» и навязчивое сообщение ими «мнения избирателей» о «рейтинге кандидатов» накануне выборов.

«К конституционно-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие мысли или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец – правда, в шаржированном, карикатурном виде – изречения Козьмы Пруткова).

Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение, ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.